

Научная статья. Исторические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-036-049

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ ЕАЭС И АСЕАН: ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СИСТЕМНЫЙ БАРЬЕРНЫЙ ФАКТОР НА ПУТИ К ИНТЕГРАЦИИ

Максим Владимирович ИВАНОВ¹, Александр Васильевич НИКУЛИН²,
Анастасия Александровна ЛЕБЕДЕВА²

¹ НИУ ВШЭ, Москва, Россия

² РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

³ РАНХиГС, Москва, Россия

¹ mvivanov_7@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7540-3360>

² Nikulin.AV@rea.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5460-9933>

³ alebedeva-22@ranepa.ru <https://orcid.org/0009-0005-8934-5818>

Аннотация: В условиях санкционного давления и глобального тренда на регионализацию происходящее ускорение российского «Поворота на Восток» актуализирует вопрос углубления взаимодействия между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Статья посвящена комплексному анализу одного из ключевых аспектов такого взаимодействия – необходимой совместимости национальных систем экспортного контроля (СЭК) за трансграничным перемещением товаров двойного назначения (ТДН), которые могут быть использованы для создания оружия массового поражения (ОМП). На основе сравнительного анализа национальных законодательств, институциональных структур и практики участия стран в международных режимах нераспространения ОМП демонстрируется принципиальная разрозненность подходов стран ЕАЭС и АСЕАН по этой проблематике. Выявлен ряд барьеров на пути взаимодействия на уровне содержания, институтов и структуры, что позволит в дальнейшем на системной основе искать пути повышения эффективности СЭК стран ЕАЭС и АСЕАН при их торговом взаимодействии.

Ключевые слова: ЕАЭС, АСЕАН, экспортный контроль, товары двойного назначения, экономическая интеграция, оружие массового поражения, международные договоры и режимы нераспространения, регионализация

Для цитирования: Иванов М.В., Никулин А.В., Лебедева А.А. Институциональная совместимость ЕАЭС и АСЕАН: экспортный контроль как системный барьерный фактор на пути к интеграции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 2, № 2 (71). С. 36–49. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-036-049

Original article. Historical science

INSTITUTIONAL COMPATIBILITY OF THE EAEU AND ASEAN: EXPORT CONTROL AS A SYSTEMIC BARRIER TO INTEGRATION

Maksim V. IVANOV¹, Alexander V. NIKULIN¹, Anastasia A. LEBEDEVA²

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

² RANEPA, Moscow, Russia

¹ mvivanov_7@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7540-3360>

² Nikulin.AV@rea.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5460-9933>

³ alebedeva-22@ranepa.ru <https://orcid.org/0009-0005-8934-5818>

Abstract: In the context of sanctions pressure and a global trend toward regionalization, the ongoing acceleration of Russia's "Pivot to the East" has highlighted the need to deepen cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). This article provides a comprehensive analysis of one of the key aspects of such cooperation: the necessary compatibility of national export control systems (ECS) over the cross-border movement of dual-use goods that could be used to develop weapons of mass destruction (WMD). A comparative analysis of national legislation, institutional structures, and countries' participation in international WMD nonproliferation regimes demonstrates the fundamental disparity in the approaches of the EAEU and ASEAN countries on this issue. A number of barriers to cooperation at the level of content, institutions, and structure have been identified, which will allow for a systematic search for ways to improve the effectiveness of the ECS of the EAEU and ASEAN countries in their trade interactions.

Keywords: *EAEU, ASEAN, export control, dual-use goods, economic integration, international non-proliferation regimes, regionalization*

For citation: Ivanov M.V., Nikulin A.V., Lebedeva A.A. Institutional Compatibility of the EAEU and ASEAN: Export Control as a Systemic Barrier to Integration. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol. 2, № 2 (71). Pp. 36–49. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-036-049

Современный мировой порядок после пандемии COVID-19 ввиду нарушения привычных глобальных цепочек добавленной стоимости и торговых маршрутов переживает активный этап смещения приоритета государств во внешнеэкономических отношениях от глобализации к регионализации, что сопровождается обострением военно-политической обстановки практически во всех регионах мира. После 24 февраля 2022 г. против России была начата масштабная кампания по введению

ограничений со стороны США, ЕС и отдельных стран G7, что, безусловно, ускорило реализацию внешнеполитической стратегии Москвы «Поворот на Восток».

Необходимость оперативного компенсирования потерь от ограничений в торговле с Западной Европой и Северной Америкой предполагала ускоренный прирост торгового оборота со странами Восточной Азии, прежде всего с Китаем. Однако не менее важным направлением торговых маршрутов России являются страны Юго-Восточной Азии, через которые также происходит взаимная торговля Москвы и Пекина ввиду географического положения.

Учитывая тенденцию к регионализации мировой торговли и увеличение значимости евразийской интеграции в приоритетах России, необходимо исследовать не только отношения Москвы со странами ЮВА, но и взаимодействие этих субъектов на уровне интеграционных объединений – ЕАЭС и АСЕАН.

Институциональные отношения ЕАЭС и АСЕАН являются сравнительно недолгими, 2018 г. принято считать официальным началом сотрудничества на уровне организаций, по дате подписания Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии¹.

В отличие от остальных стран ЕАЭС Россия имеет устоявшиеся торговые и институциональные отношения со странами ЮВА по отдельности и с объединением АСЕАН. Во-первых, это становится очевидным при сравнении общего торгового оборота Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии и России со странами АСЕАН. Во-вторых, Россия входит во все основные асеаноцентричные институциональные форматы – Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН, Совещание министров обороны АСЕАН+8. К тому же, уровень диалогового партнерства России с АСЕАН был возведен в ранг стратегического партнерства в 2018 г. в Сингапуре.

Исходя из природы взаимодействия интеграционных объединений, важно выделить торговый аспект отношений субъектов. Россия выступает признанным лидером ЕАЭС по потокам экспорта и импорта на протяжении всей истории торговли ЕАЭС с АСЕАН. В 2018 г. общий товарооборот интеграционных объединений составил 21,9 млрд долл., а в 2023 г. – 18,4 млрд долл., где на Россию приходилось 93% и 85% взаимной торговли соответственно².

Несмотря на наличие зон свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и отдельными странами АСЕАН: с Вьетнамом с 2015 г., с Сингапуром с 2019 г. (временно заморожена), а также планы по созданию ЗСТ с

Индонезией³ до конца 2025 г., – между интеграционными объединениями сохраняется ряд барьеров. Представляется, что данные барьеры препятствуют подъему уровня торговых отношений и взаимному приросту во внешнеэкономической деятельности по ряду причин.

Во-первых, при определяющей роли России, доля ЕАЭС в торговом обороте АСЕАН с внешними партнерами в 2023 г. составляла лишь 0,5%, а доля АСЕАН для ЕАЭС – 2,1%, что свидетельствует о низкой приоритетности Союза для Ассоциации во внешнеэкономической деятельности⁴. В подтверждении этого тезиса можно привести сравнение объемов торговых потоков АСЕАН с другим региональным интеграционным объединением, количество участников которого сопоставимо с ЕАЭС – МЕРКОСУР. В 2023 г. общий торговый оборот АСЕАН с МЕРКОСУР составлял 43,9 млрд долл., что практически в 2,5 раза больше, чем с ЕАЭС в этот же год⁵.

При этом АСЕАН, хоть на нее и приходится лишь 2,1% торгового оборота ЕАЭС, является важным направлением для внешнеэкономической деятельности стратегически, как для России, так и для остальных стран Союза. Это происходит ввиду емкого рынка АСЕАН в размере 677 млн человек⁶, масштабных рабочих глобальных цепочек добавленной стоимости в рамках ВРЭП, сопровождающихся крупным торговым оборотом с Китаем в 2024 г. (767 млрд долл.)⁷.

Во-вторых, между странами ЕАЭС и АСЕАН все еще существуют и более начальные барьеры интеграции, что является одновременно и причиной, и следствием сравнительно низкого уровня торгового взаимодействия. Под этими препятствиями подразумевается недостаточный уровень логистики, понимания специфики ведения бизнеса на рынках друг друга, культурного взаимодействия в историческом и географическом аспектах, а также отсутствие эффективного механизма осуществления обмена информацией в формате интеграционных объединений⁸.

В-третьих, в нынешней международной конъюнктуре ведения США и другими западными странами санкционной войны против России, АСЕАН приходится крайне осторожно относиться к торговым и политическим отношениям с Россией и юрисдикциями, где она принимает активное участие, ввиду имеющегося риска введения против стран ЮВА вторичных санкций со стороны США или ЕС, от которых регион находится в сильной экономической зависимости⁹. В этом контексте аспектом, осложняющим прирост экономической активности, выступает тарифная политика президента США Д. Трампа, которая в большей мере затронула регион ЮВА, что также вынуждает относиться к

России и ЕАЭС более выверено и, очевидно, замедляет процесс интеграции.

В-четвертых, в подавляющем большинстве страны АСЕАН после начала специальной военной операции России остаются в нейтральной позиции в соответствии с регламентированным Уставом АСЕАН принципом невмешательства во внутренние дела других стран. В то же время в марте 2022 г. Сингапур ввел санкции против России, которые затрагивают ограничение экспорта товаров двойного назначения, и приостановил процесс ратификации соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) с ЕАЭС¹⁰. Эта мера не оказывает принципиального влияния на торговые отношения отдельных стран ЕАЭС с членами АСЕАН, однако значительно влияет на будущую институциональную интеграцию ЕАЭС-АСЕАН, учитывая, что в Ассоциации действует принцип консенсуса при принятии решений.

Тем не менее, в условиях наличия сравнительно низкого торгового оборота между интеграционными объединениями, ряда барьеров для институциональной и внешнеэкономической интеграции, существуют отдельные направления, которые целесообразны к исследованию для повышения уровня будущей взаимной интеграции.

Публикации отечественных исследователей в области отношений ЕАЭС и АСЕАН показывают, что у Союза имеется потенциал дальнейшего роста экспортных поставок продукции неорганической химии, разного рода полимеров – чувствительная продукция уже поступает на рынки стран АСЕАН¹¹. К тому же, несмотря на тот факт, что в торговом обороте интеграционных объединений 70% занимают потоки экспорта из ЕАЭС в страны Юго-Восточной Азии, 28,8% импорта Союза составляло электрическое оборудование и механические устройства, 52,7% и 36,7% из которых приходилось в 2023 г. на Казахстан и Россию соответственно¹².

Немаловажен и тот факт, что Россия являлась безусловным лидером на рынке вооружений Юго-Восточной Азии в 1999–2018 гг., опережая США, Францию и Германию, на регион приходилось 26% всего экспорта вооружений Москвы¹³. Сегодня Россия остается в числе главных поставщиков военно-промышленного комплекса (ВПК) в страны АСЕАН, при этом сохраняя лидерство в торговле военной продукцией с Мьянмой, Вьетнамом и Лаосом¹⁴. Несмотря на то, что снабжение товарами ВПК стран Юго-Восточной Азии не делает их объектом экспортного контроля^{15,16}, такое сотрудничество создает устойчивые цепочки кооперации и закономерно повышает спрос на сопутствующие поставки товаров и технологий двойного назначения, используемых

для обслуживания, модернизации и интеграции военной техники. К ТДН могут относиться сырье, материалы, оборудование, а также научно-исследовательская информация.

Учитывая вышесказанное, представляется, что проблема совместимости режимов экспортного контроля интеграционных объединений в области товаров двойного назначения является актуальным направлением для всестороннего изучения и углубленного анализа.

Аспект экспортного контроля представляется крайне важным элементом регулирования внешнеэкономической деятельности стран ввиду потенциальной чувствительности объекта контроля для национальной безопасности отдельных государств, нежелания акторов международной арены улучшать технологическое состояние других стран за счет собственных разработок и ресурсов.

Реализация экспортного контроля на уровне интеграционных объединений является достаточно сложным процессом. Применительно к ЕАЭС и АСЕАН по отдельности и во взаимодействии друг с другом возникает ряд препятствий для осуществления экспортного контроля.

На постсоветском пространстве еще в 2003 г. предпринималась попытка упорядочить этот механизм посредством подписания Соглашения о едином порядке экспортного контроля государств-членов Евразийского экономического сообщества¹⁷, Его содержание подразумевало соответствующую унификацию законодательств стран-участниц объединения при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Однако с образованием ЕАЭС и принятием Таможенного кодекса ЕАЭС в 2017 г., решение вопросов экспортного контроля сместилось на национальный уровень и теперь юридически закреплено за национальными законодательствами членов ЕАЭС¹⁸.

АСЕАН характеризуется еще большей, чем в ЕАЭС, децентрализацией и ориентацией на национальный суверенитет в отношении экспортного контроля, что косвенно вытекает из базового принципа невмешательства во внутренние дела стран Ассоциации. В ней не существует аналога Соглашения 2003 года ЕврАзЭС, которое обязывало членов унифицировать законодательство в области экспортного контроля до образования ЕАЭС. Каждая страна АСЕАН самостоятельно разрабатывает и применяет собственное национальное законодательство в области экспортного контроля, несет ответственность за национальную реализацию и обеспечение соблюдения своих международных обязательств и юридических норм¹⁹.

Таким образом, за каждой страной АСЕАН и ЕАЭС закреплено право самостоятельно регулировать процесс экспортного контроля в рамках национального законодательства. Поэтому члены этих интеграционных объединений имеют собственные списки товаров, попадающие под экспортный контроль, которые зачастую не совпадают друг с другом. К примеру, в России перечень товаров и технологий, попадающих под экспортный контроль разделен на шесть контрольных списков²⁰, в Беларуси один список, разделенный на восемь групп²¹, а в Армении один список, состоящий из девяти групп²². В АСЕАН количество групп товаров является единым, это девять классификаций продукции и технологий и нулевая группа, отведенная для товаров ядерной отрасли. Тем не менее, перечень продуктов двойного назначения в выделенных группах не является однородным, как и название самих групп товаров и технологий.

К ТДН по своей природе могут относиться многие самые разнообразные товары: сырье, современные и перспективные материалы (могут быть специально разработаны или модифицированы), оборудование, научно-исследовательская информация, интеллектуальные продукты, которые в силу своих особых свойств могут способствовать созданию ОМП или средств его доставки, увеличению потенциала возможных террористических угроз. Эффективный экспортный контроль за ТДН в современном мире исключительно актуален. Но в условиях описанной выше неоднородности контрольных списков стран возникает ряд барьеров для фиксации размера торговых потоков продукции и технологий двойного назначения на двусторонней основе и на уровне интеграционных объединений.

Первый из них состоит в достаточно сложной идентификационной процедуре экспертной оценки технических характеристик экспортируемого товара на предмет возможности его использования для создания ОМП и отнесения к ТДН, что требует в каждой стране широких знаний специалистов в различных областях науки и техники и опыта работы с контрольными списками. Сопоставление общепринятых в ЕАЭС и АСЕАН кода товарной позиции или субпозиции, определяемой в соответствии с международной Гармонизированной системой (ГС), может носить только справочный характер^{23, 24, 25}. Для однозначной идентификации ТДН, помимо товарного кода исключительно важное значение имеет сравнение описания и характеристик экспортируемого товара с тем, что содержится в контрольных списках, систематическая и скрупулезная работа.

Второй барьер имеет правовую основу и связан с необходимостью взаимного признания странами национальных разрешительных документов или запрет на совершение внешнеторговых операций с ТВН. Возникающие трудности количественного измерения объемов торговли чувствительными товарами на разных уровнях замедляет процесс наращивания двусторонней кооперации, анализа торгового потока и планирования наращивания будущих поставок.

Этой проблеме подвержены представители крупного и среднего международного бизнеса стран АСЕАН и ЕАЭС, ведь их продукция проходит ряд сложных этапов: национальное таможенное регулирование по кодам товаров, лицензирование подведомственного органа, похожие процедуры в юрисдикции направления экспорта²⁶. В данном случае сложности верификации объемов торговли снижают не только эффективность бизнеса, но и взаимное доверие регулирующих органов, создавая почву для подозрений в несанкционированной передаче технологий.

Помимо того, что экспортный контроль в странах ЕАЭС и АСЕАН регулируется национальными законодательствами, существует фундаментальная институциональная и регуляторная несовместимость, проявляющаяся на трех уровнях. На уровне содержания контрольные списки товаров двойного назначения не являются однородными, то есть один и тот же товар может быть подконтрольным в одной юрисдикции и свободным в другой. На уровне институтов государственных органов, выдающие лицензии, кардинально различаются по своей ведомственной принадлежности, уровню полномочий и внутренней культуре. На уровне структуры во многих странах АСЕАН полномочия по экспортному контролю фрагментированы между несколькими ведомствами, что усугубляет внутреннюю несогласованность еще до выхода на международный уровень²⁷.

Данная разрозненность порождает правовую неопределенность и рост издержек для бизнеса. Компании сталкиваются с непредсказуемостью, высокими транзакционными затратами и риском непризнания лицензий при работе между юрисдикциями. К тому же, это вызывает конфликт управленческих парадигм, поскольку разные ведомства руководствуются противоположными логиками, к примеру, военные и силовые структуры ориентированы на логику безопасности, в то время как экономические ведомства на стимулирование торговли. Это затрудняет выработку единых подходов как внутри интеграционных объединений, так и, в особенности, на уровне диалога ЕАЭС-АСЕАН. Исчерпывающий перечень государственных органов, осуществляющих надзор и

выдачу лицензий в рамках экспортного контроля представлен в Таблице 1.

Таблица 1. Ведомства, выдающие лицензии на экспорт и импорт товаров и технологий двойного назначения в странах АСЕАН и ЕАЭС

АСЕАН	ID	Ministry of Trade
	MY	Ministry of International Trade and Industry, Strategic Trade Secretariat
	SG	Singapore Customs
	TH	Ministry of Commerce
	PH	Department of Foreign Affairs and the Bureau of Customs
	BN	Royal Customs and Excise Department
	VN	Для каждой категории товаров предусмотрено отдельное ведомство (Ministry of Science and Technology, the Ministry of Industry and Trade и др.)
	LA	Ministry of Industry and Commerce
	MM	Directorate of Trade and Department of Border Trade (Ministry of Commerce)
	KH	Для каждой категории товаров предусмотрено отдельное ведомство (Ministry of Commerce, Ministry of National Defence и др.)
	TLS	Ministry of Commerce and Industry (MCI)
ЕАЭС	AM	Министерство экономики Армении
	BY	Государственный военно-промышленный комитет
	KZ	Комитет индустриального развития и промышленной безопасности Министерства индустрии и инфраструктурного развития
	KG	Кабинет Министров
	RU	Федеральная служба по техническому и экспортному контролю

Составлено авторами статьи на основе открытых данных правительственных ведомств стран АСЕАН и ЕАЭС.

Следует обратить внимание, что страны ЕАЭС и АСЕАН являются участниками различных международных соглашений, которые затрагивают вопросы нераспространения ОМП, что делает их участниками международных режимов экспортного контроля и обязывает соблюдать установленные нормы перед третьими странами, однако конкретный перечень и глубина их обязательств существенно разнятся. В области нераспространения ОМП авторы выделили четыре ключевых международных договора (*Nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT)*, *The Biological Weapons Convention (BWC)*, *The Chemical Weapons Convention (CWC)*) и пять контрольных режимов (*Zangger Committee (ZC)*, *Nuclear Suppliers Group (NSG)*, *Missile Technology Control Regime (MTCR)*, *Australia Group (AG)*, *The Wassenaar Arrangement (WA)*) и провели сравнительный анализ участия в них рассматриваемых стран (Таблица 2).

**Таблица 2. Участие стран ЕАЭС и АСЕАН
в международных договорах и контрольных режимах
по нераспространению ОМП**

	АСЕАН											ЕАЭС				
	ID	MY	SG	TH	PH	BN	VN	LA	MM	KH	TLS	AM	BY	KZ	KG	RU
NPT	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+
NSG													+	+		+
ZC													+	+		+
BWC	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
AG																
MTCR																+
CWC	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
WA																+
TPNW	+	+		+	+		+	+		+	+			+		

Составлено авторами статьи на основе открытых данных об участниках международных соглашений

Учитывая, что в процессе анализа было выявлено совпадение в соблюдении некоторых международных режимов по нераспространению ОМП между странами АСЕАН и ЕАЭС, таких как Конвенция о

нераспространении биологического оружия (*BWC*) и Конвенция о нераспространении химического оружия (*CWC*), этот факт не может компенсировать достаточную разрозненность участия в других международных соглашениях. К примеру, Беларусь, Казахстан и Россия являются участниками Комитета Цангера (*ZC*)²⁸ и Группы ядерных поставщиков (*NSG*)²⁹, при том, что ни одна из стран АСЕАН не придерживается норм этих контрольных режимов и, напротив, большинство государств Юго-Восточной Азии подписали Договор о запрещении ядерного оружия (*TPNW*)³⁰, а из стран Союза в нем участвует только Казахстан.

В этих условиях возникают, как минимум, две системные проблемы. Во-первых, попытка создать общий для ЕАЭС и АСЕАН перечень контролируемых товаров потребует ориентации на самый строгий стандарт, принятый хотя бы одним участником. Такой подход может оказаться экономически неприемлемым для других стран, чьи экспортные отрасли зависят от торговли данной продукцией.

Во-вторых, остро стоит проблема реэкспорта. Страна-участница режима нераспространения не сможет санкционировать реэкспорт контролируемых товаров через юрисдикцию, не входящую в данный режим, поскольку это прямо нарушит ее международные обязательства. Подобная коллизия системно подрывает доверие между партнерами, делая любые согласованные действия в сфере экспортного контроля чрезвычайно уязвимыми.

Наконец, для комплексного понимания проблематики необходимо провести анализ от частных аспектов к фундаментальному системному ограничению. Ключевым препятствием, сводящим на нет потенциальные усилия по преодолению вышеперечисленных барьеров, является структурная асимметрия самих интеграционных объединений – ЕАЭС и АСЕАН находятся на разных этапах экономической интеграции³¹. ЕАЭС является таможенным союзом и общим рынком с элементами наднационального регулирования. В отличие от него, АСЕАН остается в первую очередь зоной свободной торговли, где координация политики основана на межправительственном консенсусе без делегирования суверенитета. Эта принципиальная разница в природе интеграции вне зависимости от потенциального преодоления существующих барьеров для гармонизации режимов экспортного контроля будет замедлять значительную часть диалоговых процессов ввиду институциональной несовместимости.

Подводя черту, стоит отметить, что на данный момент внешнеэкономическая кооперация АСЕАН и ЕАЭС имеет ряд политических,

экономических, торговых, культурных и интеграционных барьеров. При комплексном исследовании режимов экспортного контроля АСЕАН и ЕАЭС на уровне стран и интеграционных объединений, сопоставлении их режимов регулирования товаров двойного назначения, было выявлено, что режимы слабо совместимы.

Тем не менее, после окончания пандемии и начала активного этапа российского «Поворотана Восток», действия отношении АСЕАН со стороны ЕАЭС и, в особенности, России стали более системными. Сегодня углубление евразийской интеграции является одним из главных приоритетов России, поэтому, даже в условиях наличия существенных барьеров, политическая воля России и нейтральная позиция стран АСЕАН формируют благоприятную среду для дальнейшего развития отношений³².

Стремление России к диверсификации торговли на азиатском направлении, существенный рост торгового оборота с Китаем и близость к достижению его предела в нынешнем качестве и сближение наиболее экономически активных стран АСЕАН с БРИКС, где Россия имеет ключевую роль, так или иначе позволят в среднесрочной и долгосрочной перспективе вывести внешнеэкономическую активность в Юго-Восточной Азии на новый уровень.

Для реализации этой задачи углубление интеграции между ЕАЭС и АСЕАН является критически важным фактором, в том числе в вопросах будущей совместимости режимов экспортного контроля. В данном контексте может быть достигнут точечный прогресс на двустороннем уровне стран АСЕАН и ЕАЭС, а с углублением интеграции посредством подписания ЗСТ с государствами Юго-Восточной Азии есть перспектива масштабирования внешнеэкономической деятельности участников интеграционных объединений при снижении тарифной и бюрократической нагрузки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ИВАНОВ Максим Владимирович, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

НИКУЛИН Александр Васильевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры предпринимательства и логистики, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ЛЕБЕДЕВА Анастасия Александровна, РАН-ХиГС, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maksim V. IVANOV, Faculty of World Economy and World Politics, HSE University, Moscow, Russia

Alexander V. NIKULIN, PhD (Tech. Sc), Senior Researcher, Associate Professor of the Department of Entrepreneurship and Logistics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Anastasia A. LEBEDEVA, RANEPA, Moscow, Russia

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contributions of the authors: the authors contributed equality to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 01.12.2025; approved 15.01.2026; accepted to publication 30.01.2026.

¹ Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества // ЕЭК.

² EAEU-ASEAN bilateral trade // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c24%7c%7c59232%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

³ ЕЭК согласовала график обнуления пошлин в торговле с Индонезией // Интерфакс. 01.10.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1050246>

⁴ Королев А.С. ЕАЭС – АСЕАН: модель секторального стратегического партнерства // РСМД. Рабочая тетрадь № 92 / 2025

⁵ MERCOSUR-ASEAN bilateral trade // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c24%7c%7c34%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

⁶ Aseanstats key indicators // ASEANstats. URL: <https://data.aseanstats.org>

⁷ China-ASEAN bilateral trade // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c24%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

⁸ Канаев Е.А., Королев А.С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения, 2020, том 64, № 1, с. 64-72.

⁹ Иванов М.В. От Байдена к Трампу 2.0: двойная выгода или двойная неопределённость для АСЕАН? // Россия в глобальной политике. 19.03.2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tramp-asean-ivanov/>

¹⁰ Иванов М.В., Королев А.С. Санкции повышенного комфорта: к чему привели торговые ограничения Сингапура против России? // Россия в глобальной политике. 07.11.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sankczii-singapura-ivanov-korolyov/>

¹¹ Королев А.С. ЕАЭС – АСЕАН: модель секторального стратегического партнерства // РСМД. Рабочая тетрадь № 92 / 2025.

¹² EAEU-ASEAN bilateral trade // Trade Map. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c24%7c%7c59232%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

¹³ Wezeman S.T. Arms flows to South East Asia // SIPRI. 2019.

¹⁴ Arms transfers database // SIPRI. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult>

¹⁵ Ю Малевич.В. Экспортный контроль как инструмент обеспечения безопасности цепей поставок товаров и технологий // Техника-Технологические проблемы сервиса, 2019, том 50, №4.

¹⁶ Лифанова Ю.С. Экспортный контроль товаров двойного назначения // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. Том 1. С 116-121.

¹⁷ Соглашение о едином порядке экспортного контроля государств-членов Евразийского экономического сообщества // МИД РФ.

URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51994/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000486512d626b8d4da81b8d829c6b7efa8667752afd26b9219eac8a34d85e82c4a08aac0fc0d14300085e5b664337aeea206a76162662fad398c853ff785b17bfc09b17f2398d2af08d488827bb96ed546f318784dabada30

¹⁸ Парфентьева П.А., Зайцева Е.В., Никулин А.В. Повышение эффективности взаимодействия государств-членов ЕАЭС по вопросам экспортного контроля // Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации, Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – М. РУДН, 2021.

¹⁹ Export-related measures // ASEAN Trade Repository. URL: <https://atr.asean.org/read/export-related-measures/316>

²⁰ Федеральный закон от 18 июля 1999 г. N 183-ФЗ "Об экспортном контроле" Статья 6 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12116419/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/>

²¹ Постановление Государственного Военно-промышленного комитета Республики Беларусь и Государственного таможенного комитета Республики Беларусь 28 декабря 2007 г. № 15/137 «Об утверждении перечней специфических товаров (работ, услуг)». URL: <https://ltl.by/files/docs/perechen-tovarov-dvojnogo-naznacheniya.pdf?ysclid=me6715hy7q790855779>

²² Нераспространение, стратегический экспортный контроль и ядерная безопасность // МИД РА. URL: <https://www.mfa.am/ru/non-proliferation-strategic-export-control-and-nuclear-security/>

²³ HS Nomenclature 2022 Edition // World Customs Organization. URL: <https://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/hs-nomenclature-2022-edition.aspx>

²⁴ Малевич Ю.В. Экспортный контроль как инструмент обеспечения безопасности цепей поставок товаров и технологий // Техника-Технологические проблемы сервиса, 2019, том 50, №4.

²⁵ Качаев И.В. Идентификация товаров и технологий в целях экспортного контроля // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2014. №6 (16).

²⁶ Малькевич В.Л. Экспортный контроль: от противостояния к сотрудничеству. – М. Общество сохранения литературного наследия, 2012.

²⁷ Щербаков М.Г. Проблемы режима товаров и технологий двойного назначения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, №2. С 203-210.

²⁸ Members // Zanger Committee. URL: <https://zangercommittee.org/members.html>

²⁹ Members // NSG. URL: <https://www.nuclearsuppliersgroup.org/index.php/ru/o-nas/ucastniki>

³⁰ Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // NTI. <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/treaty-on-the-prohibition-of-nuclear-weapons/>

³¹ Королев А.С. ЕАЭС – АСЕАН: модель секторального стратегического партнерства // РСМД. Рабочая тетрадь № 92 / 2025.

³² Колдунова Е.В. К новой повестке отношений Россия – АСЕАН // РСМД. Доклад № 108 / 2025.